

— Быстро же! — Цинь Юй застегнул плащ, оглянулся на него и уверенно произнёс:

— Пошли, не будем его задерживать.

У ворот лагеря Цинь Юй вскочил на коня, окинул взглядом окружение и сказал:

— Юэ Хун, останься.

Едва он закончил, как император опустил хлыст, и скакун с громким ржанием понёсся вперёд.

Облачённые в чёрные доспехи воины Северной границы мгновенно исчезли в темноте, оставив после себя лишь эхо копыт.

— Сюэтан! — крикнул Цинь Юй, и его слова, подхваченные ветром, услышали только они двое.

— Мне здесь нравится.

— Почему? — обернулся Ду Сюэтан, хотя в глубине души уже догадывался об ответе.

— Потому что здесь, в какую бы сторону ни поехал, можно мчаться бесконечно. Если не устанешь, можно мчаться... мчаться без конца.

На сердце у Ду Сюэтана стало тяжело. Он подъехал ближе и, отбросив почтительность, прямо сказал:

— Сыграем на опережение?

Хлыст опустился, и его фигура скрылась в темноте.

Ха-ха-ха...

Император громко рассмеялся. Темнота скрывает его юношескую дерзость, он опустил хлыст и помчался вслед за тем силуэтом.

В лагере Сун И в центральной палатке ещё горел свет, словно ожидали каких-то вестей. Вскоре за воротами раздалось ржание боевого коня, и молодой генерал, спрыгнув с лошади, широким шагом вошёл внутрь.

— Генерал, — распахнул двери Цинь Фань и прямо сказал:

— Они здесь.

— Готовьтесь, — Сун И вдруг встал, лицо его стало суровым.

— Будьте осторожны, генерал, — Цинь Фань, следуя за ним, почтительно сложил руки.

Сун И кивнул и, сложив руки, сказал:

— Маркиз Пин, берегите себя.

Цинь Фань снова вскочил на коня, но на этот раз он был не один. В сопровождении большого отряда кавалерии он помчался на юг. Едва он удалился, как в горном ущелье раздался топот копыт. Сун И, стоя в лагере, увидел в темноте отблески холодного света. Он крепче сжал меч и стиснул зубы.

— Встречайте врага!

Две армии мгновенно столкнулись. Лагерь наполнился криками и звоном оружия. Цинь Фань, уезжая, услышал эти крики и, хлестнув коня, ускорился.

В бескрайней пустыне не было казённых трактов. Мчаться ночью можно было, лишь ориентируясь по звёздам, если только ты не знаешь эту землю как свои пять пальцев. Хуянь Тай пригнулся к спине коня, слегка прищурил глаза. Он не старался что-то разглядеть, просто наслаждался ощущением холодного ветра, обдувающего лицо.

Эта жёлтая пустыня, этот бескрайний степь — никто не любил эти места больше, чем он, никто не знал их лучше. Хусцам не следовало убивать друг друга, они должны были объединиться, чтобы эта земля вновь засияла и люди поклонялись ей.

— Ваше Величество, генерал Бату, должно быть, уже вступил в бой с ханьцами, — сказал Гай Ту, находясь рядом.

Подняв брови и окинув взглядом очертания гор, Хуянь Тай ответил:

— Ускоримся, не дадим ханьцам подкрепления.

На берегу реки Ланьдунь Ду Сюэтан резко натянул поводья, и боевой конь встал на дыбы, громко заржав. Он сидел на коне, обернувшись к человеку рядом.

— Я проиграл.

— Сюэтан проиграл из-за коня, который уступает моему, — усмехнулся Цинь Юй.

Не то чтобы звёзды стали ярче, но Ду Сюэтану показалось, что он увидел его улыбку — искреннюю и наивную, которая заставляла его хотеть приблизиться, чтобы рассмотреть её лучше.

— Ваше Величество, — Ли Хань подошёл ближе и, сложив руки, сказал:

— Хусцы идут.

— Встретим их у подножия горы, — произнёс Цинь Юй, глядя на Ду Сюэтана. — Хочешь снова посоревноваться?

— Почему бы и нет?

Одновременно они опустили хлысты, и за ними последовали стройные ряды бронированной кавалерии Великой Юн, мчась вглубь.

После этого дня эта безымянная горка получит имя, которое навсегда останется в истории. После этой битвы в истории останется только одно имя. Посмотрим, чьё это будет имя!

— В атаку! — Хуянь Тай, глядя на стройные ряды бронированной кавалерии Великой Юн, выхватил меч.

Убить!!!

Хусцы, размахивая кривыми саблями, с криками бросились вперёд. Цинь Юй сидел на коне, бесстрастно глядя на несущуюся кавалерию.

— Вперёд.

Он опустил руку, и Ван Мэн, возглавив кавалерию Великой Юн, умело двинулся навстречу. Река Ланьдунь текла слева, спокойная и не гармонирующая с бурлящим боем на берегу. Цинь Юй смотрел на воду, не представляя, как эта река может быть бурной и ревущей.

— Тогда посмотрим своими глазами, — прошептал он, глядя вперёд, и в его глазах постепенно появилась жестокость.

— Генерал, они бегут, — солдат подбежал к Бату и доложил.

Бату, сидя на коне, смотрел на разбегающихся ханьцев и, не обращая на них внимания, сказал:

— Зажгите сигнал, немедленно направляйтесь к дамбе, разрушите заслон, пусть ханьцы попробуют плоды своих злодеяний.

— Есть.

На одном из берегов Ланьдунь бой у подножия горы был в самом разгаре, когда вдруг на северо-западном небе вспыхнул огонь. Увидев его, хусцы громко закричали.

— Брат Вэнь, если ты умрёшь, я, по крайней мере, выиграю для хусцев двадцать лет. Через двадцать лет посмотрим, чьи потомки окажутся удачливее.

Хуянь Тай глубоко вздохнул, развернулся и первым ушёл.

— Гай Ту, задержи их на полчаса, затем немедленно уходи.

— Есть.

Хусцы по-прежнему сражались отчаянно, но отступали. Цинь Юй сидел на коне, наблюдая, как армия хусцев отступает, пока у подножия горы не осталась только армия Юн, и он не стал преследовать.

— Ваше Величество, — Ван Мэн в доспехах, испачканных кровью, вернулся к нему.

— Поднимемся на гору!

Брат Хуянь, ты слишком торопишься. Как я могу поднять камень, чтобы ударить себя по ноге? Река Ланьдунь прекрасна, я не хочу её разрушать. В этом мире не одна река.

На равнине между двумя горами Хуянь Тай во главе трёх армий тихо ждал стоны, доносящиеся из-за горы. У входа в ущелье постепенно раздался гул. Он повернул голову, чтобы посмотреть, не вернулся ли Бату.

— Вода! Вода!!! — крикнул в ужасе солдат, и его тут же смыло.

Ревающая вода, словно изливая гнев, обрушилась на них, мгновенно оказавшись перед глазами. Солдаты хусцев, стоящие впереди, не могли поверить своим глазам, их ноги будто приросли к земле, и они не могли двинуться с места.

Грохот...

Наводнение, несущее камни и деревья, смыло всё. Те, кто был сзади, наконец опомнились и в

панике бросились бежать в горы.

— Ваше Величество, сюда, — Гай Ту повёл Хуянь Тая на ближайшую вершину.

Паника тысяч людей сделала это место хаотичным и беспорядочным. Немногие смогли избежать бешеного потока воды, а те, кому удалось, глядя вниз, чувствовали слабость в ногах. Не успев поблагодарить небеса, они услышали шорох шагов в густом лесу на вершине.

Свист... Свист-свист!

Чёрные перья рассекли небо, словно дождь. Хусцы, увидев приближающуюся армию Северной границы, холодный свет, отражающийся от чёрных доспехов, словно приветствие смерти из ада.

На вершине горы Цинь Юй смотрел вниз на солдат, борющихся на склоне. У подножия горы уже была вода, и он предполагал, что на поверхности плавают камни и деревья, а к утру она будет усеяна телами хусцев.

— Зажгите сигнальные огни, — Цинь Юй смотрел вдаль. — Сообщите всем, что я снова захватил столицу.

— Есть, — Ду Сюэтан ответил твёрдо.

Эта ночь на самом деле была не такой уж тёмной, по крайней мере, фигура впереди была ярче всех звёзд.

Шум воды и крики продолжались до утра. С рассветом Цинь Юй наконец увидел тела, нагромождённые у входа в ущелье, что окончательно сломило оставшихся хусцев.

Великая Юн окружила их и без труда захватила всех оставшихся хусцев в плен. Выжившие хусцы, бросая оружие, не чувствовали себя виноватыми, только облегчение. По крайней мере, для тех, кто участвовал в этой войне, бросить кривые сабли в этот момент было не так уж тяжело.

Солнце светило на склоне, согревая тела, замёрзшие за ночь. Цинь Юй смотрел на человека перед собой, и в его сердце возникло множество чувств.

— Брат Хуянь, почему?

Хуянь Тай поднял голову и посмотрел на него. Этот человек, закутанный в тяжёлый плащ, за исключением морщин на лице, был таким же, как при первой встрече в городе Хуянь.

— Ха-ха-ха... — он громко рассмеялся и лишь спустя некоторое время посмотрел на собеседника. — Из-за тебя.

Хе... Цинь Юй пожал плечами и кивнул:

— Я тоже.

В первый год эры Жэньдэ, в мае, император приказал генералу Сун И и маркизу Цинь Фаню перекрыть реку Ланьдунь, чтобы заманить Хуянь Тая в атаку. У горы Шан они устроили наводнение, уничтожив семьдесят тысяч хусцев, а остальных взяли в плен. Генерал Северной границы захватил Хуянь Тая в плен. На следующий день генерал Юэ Хун возглавил армию и захватил город Хуянь. Великий жрец хусцев Цзинь Шучжу сдался.

С тех пор, как император покорил земли хусцев, на северной границе двадцать лет не было беспорядков. Ко времени правления императора Сяо хусцы и ханьцы заключали браки и вели торговлю, и город Сюаньчэн процветал не меньше столицы.

Луна висела высоко, ночь окутала всё вокруг, и посёлок Шуйчжэнь был словно спокойная картина гор и воды, повторяющаяся вновь и вновь, тихая и мирная.

В маленьком дворике у восточных ворот Ху-эр спал в колыбели, слушая храп отца. Сюэ Цяньцянъ прижалась к нему, совсем не слыша этого храпа.

В комнате, где когда-то жил шестой господин Бай, всё осталось по-прежнему. Линь Ваньфэн лежал на кровати, сжимая одеяло в руках, его глаза беспокойно двигались, и вдруг он резко сел.

<http://bllate.org/book/16170/1453609>